

БЕЗРАБОТИЦА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА*

А. А. Хохлова, А. В. Коротаев, С. В. Цирель

Показано, что корреляция между безработицей и социально-политической дестабилизацией в посткоммунистической (Западной) Европе радикально отличается от этой корреляции в посткоммунистической (Восточной) Европе. Уровень безработицы является мощным статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации в странах посткоммунистической (Западной) Европы, в то время как для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции уровня безработицы ни с одним из индикаторов социально-политической дестабилизации (более того, для антиправительственных демонстраций в Восточной Европе прослеживается статистически значимая отрицательная корреляция с безработицей). Рассмотрены причины столь разительных отличий между двумя макрогруппами европейских стран.

Некоторые экономические показатели рассматриваются многими исследователями в качестве важных факторов социально-политической дестабилизации (Hirshleifer 1985; 2001; Elbadawi, Sambanis 2000; Collier, Hoeffler 2004). Одним из таких показателей является безработица.

Мы принимаем определение безработных Международной организации труда и Всемирного банка: это та часть населения, «ко-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

торая не имеет работы, но способна трудиться и ищет работу»¹ (World Bank 2017: SL.UEM.TOTL.NE.ZS; см. также: Матвеева 2007: 243). Источники существования и образ жизни безработных очень сильно зависят от существующего экономического и политического порядка в государстве и от его экономического развития, взятого за определенный период времени (Sengenberger 2011: 11). К примеру, у европейца способы поиска работы (социальные сети, учебные заведения), социальное страхование в период незанятости (пособия по безработице, льготы) и условия в период отсутствия работы не сравнятся с условиями гражданина страны Южной Азии, к примеру Индии, чья ситуация усложняется не только экономическими и политическими, но и культурными особенностями государства-цивилизации. Из этого следует, что при оценке влияния безработицы на политическую стабильность государств важно делить выборку как минимум на развитые и развивающиеся страны.

В развитом мире представление о роли безработицы в экономической системе менялось с течением времени. Экономисты-классики отстаивали мнение, что на рынке возможна полная занятость, потому что спрос и предложение всегда сбалансированы (хотя они обычно и принимали понятие фрикционной безработицы и ее аналогов). Так, например, А. Смит отмечал: «Очевидно, что спрос на лиц, живущих заработной платой, может возрасть лишь пропорционально увеличению фондов, предназначенных для выплаты заработной платы» (Смит 1993). С другой стороны, Дж. М. Кейнс, в отличие от классиков, считал, что государство должно выступать регулятором на рынке труда (Кейнс 1936: 5). Позже монетаристы признавали вслед за Кейнсом возможность краткосрочной естественной безработицы, которую они называли «добровольной». При такой безработице рынок труда находится в равновесном состоянии (см., например: Блауг 1994: 631–634). Добровольная безработица может быть связана как с особенностями трудового законодательства, так и с человеческим фактором. Сегодня частным случаем человеческого фактора может быть, к примеру, предпочтение людей в странах развитого мира не работать и жить на социальные пособия по безработице, если они счи-

---

¹ Unemployment refers to the share of the labor force that is without work but available for and seeking employment.

тают, что, учитывая их квалификацию и опыт, их труд должен быть оценен выше (что должно выражаться в более высоком уровне заработной платы). По мнению некоторых экономистов, величина естественного уровня безработицы в настоящее время составляет 4–5 %, но она меняется с течением времени (Матвеева 2007: 247–248).

С точки зрения этих экономистов, в период экономической рецессии рост безработицы в развитых странах обусловлен этим поиском или неверным представлением работников о сложившейся экономической ситуации, а не тем, что люди вообще не могут найти работу. Рост безработицы может иметь как экономические (снижение доходов граждан и уровня обеспеченности домохозяйств, потеря их трудовой квалификации и времени, что приводит к маргинализации трудоспособной части населения), так и неэкономические последствия (недовольство жизнью, депрессии и фрустрация, потеря интереса к жизни и отсутствие способов самореализации человека). Они снижают уровень благосостояния членов развитого общества, не готовых жить хуже, чем прежде, вызывают у них недовольство и, возможно, стимулируют к протестной активности ради изменений (Матвеева 2007: 253).

Во многих существующих работах авторы на примерах разных стран и регионов приходят к выводу, что безработица является фактором социально-политической дестабилизации (Obeyesekere 1974; Braungart 1984; Alanana 2003; Wood 2006; Venugopal 2011; Jones, Rodgers 2011; Falk *et al.* 2011; Beissinger *et al.* 2012; Nwogwugu, Irechukwu 2015)². Вместе с тем широко распространено мнение, что сама по себе безработица не может служить фактором политической нестабильности. Сторонники такой точки зрения склоняются к рассмотрению безработицы наряду с другими экономическими и социальными переменными, которые вкупе с безра-

² Отдельный блок работ посвящен исследованию зависимости политической нестабильности от высокого уровня безработицы среди молодежи, в частности так называемого феномена безработного «молодежного бугра» (Булдаков 1997; Гринин и др. 2009; Коротаев, Зинькина 2011; Коротаев и др. 2012; Долгов 2011; Нефедов 2015; Goldstone 2001; 2002; Cincotta *et al.* 2003; Kogenman, Neumark 1997; Cincotta 2005; UNOWA 2005; Huntington 1996; Idris 2016; Humphreys, Weinstein 2004; Guichaoua 2007; 2012; Walton 2010; Kahl 1998; Honwana 2011; Urdal 2011; Assaad, Levison 2013; Stewart 2015), где авторы приходят к выводу, что молодежная безработица является особенно сильным предиктором социально-политической дестабилизации. Специальный обзор по безработице среди молодежи как факторе нестабильности см. в работе К. Доуда (Dowd 2017).

ботицей ведут к политической дестабилизации (Grossman 1991; Collier 1999; 2000; Kahl 1998; Levitt, Venkatesh 2000; Collier, Hoefler 2001; Urdal 2004; 2011; Honwana 2011). Например, П. Колльер заключает, что безработица в сочетании с другими экономическими и демографическими факторами может играть определенную роль в процессах дестабилизации, способствуя формированию повстанческих армий (Collier 2000: 4). Г. Урдал говорит о безработном «молодежном бугре» как факторе дестабилизации лишь в сочетании со слабой экономикой (Urdal 2004). В более поздней работе исследователь повторяется, что безработица среди молодежи приводит к дестабилизации вместе с экономическим спадом. Это позволяет ему прийти к следующему выводу: «Чтобы избежать, в частности, нестабильности и насилия, основное внимание должно быть сосредоточено на улучшении экономических возможностей для молодежи, в частности путем предоставления молодым людям возможностей трудоустройства или получения образования в период экономического спада» (*Idem* 2011: 9).

В работе А. Вуда на примере 63 стран по данным за 2002–2003 гг. рассматриваются корреляции между (1) общей безработицей и (2) безработицей среди мужского населения и негосударственным насилием – убийствами (1) в целом и (2) с помощью огнестрельного оружия. В его исследовании были получены достаточно сильные коэффициенты корреляции между (1) безработицей среди мужского населения и убийствами ($r = 0,41$) и особенно (2) между безработицей среди мужского населения и убийствами с помощью огнестрельного оружия ($r = 0,46$). Между общей безработицей и убийствами коэффициент корреляции меньше ($r = 0,33$), но также статистически значим. Стоит отметить, что все корреляции получились в положительном направлении. Обобщив полученные результаты, автор констатирует, что между безработицей и нестабильностью существует сильная положительная зависимость (Wood 2006).

В работе К. Хьюитта (Hewitt 1991) рассматриваются причины политического насилия, которое наблюдалось в Северной Ирландии с 1968 по начало 1971 г. В регрессионном анализе автор использует три независимые переменные – национализм, безработицу среди мужского католического населения и неравенство. Результаты показывают, что коэффициент корреляции (r) между

безработицей среди мужчин-католиков и интенсивностью беспорядков составляет 0,87, а между безработицей среди мужчин-католиков и терроризмом – 0,82 при статистической значимости (p) < 0,001. Автор приходит к выводу, что между безработицей и нестабильностью в Северной Ирландии существует сильная положительная зависимость: все коэффициенты корреляции имеют положительный знак (Hewitt 1981).

С другой стороны, Э. Берман и соавторы (Berman *et al.* 2011) обнаружили отрицательную корреляцию между безработицей и нестабильностью в Афганистане, Ираке и на Филиппинах. Объясняют они это в рамках теории альтернативных издержек следующим образом: высокий уровень безработицы характерен для экономически слабо развитых районов, поэтому государственным службам там легче (или дешевле) получать (или выкупать) информацию у населения по готовящимся террористическим или партизанским действиям или же о повстанческих группировках, а также намного дешевле обходится создание укрепленных контрольно-пропускных пунктов, строительство стен и прочих мер против оппозиционной активности. Исследователи используют данные по безработице в качестве независимых переменных и показатели по партизанским действиям и формированию бандитских групп в качестве зависимых. К зависимым переменным относятся: 1) интенсивность нападений на правительство и союзные им силы; 2) уровень насилия со стороны повстанцев, приводящего к убийствам гражданских лиц. Во всех трех странах авторы собрали данные по безработице для наименьших административных единиц в упомянутых государствах, для которых имеются относительно достоверные данные о населении и безработице (авторы предупреждают, что количественные данные по этим странам имеются в ограниченном количестве). Результаты исследования интересны тем, что, как отмечают сами авторы, эти страны сильно различаются и по географии, и по характеру и интенсивности действий повстанцев, которые в них наблюдаются. Тем не менее результаты по странам схожи в том, что коэффициенты при переменных по безработице во всех трех случаях имеют отрицательный знак (*Ibid.*).

Другие проведенные исследования на национальном или более узком уровнях говорят о слабой либо даже статистически не-

значимой зависимости политической нестабильности от уровня безработицы (Benmelech *et al.* 2010; Izzi 2013; Миронов 2013). К. Крамер приходит к выводу, что безработица может быть фактором социально-политической дестабилизации, при этом оговаривая, что сильная причинно-следственная связь между безработицей, частичной занятостью или непродуктивной занятостью и насилием либо войной в развивающихся странах отсутствует (Cramer 2010: 2).

В работе С. Олзака и С. Шэнахана (Olzak, Shanahan 1996) безработица как фактор политической нестабильности оказывается незначимой. Коэффициент корреляции между безработицей и участием в расовых беспорядках на примере США в период 1964–1992 гг. оказывается слабым, сама корреляция – статистически незначимой. Коэффициент корреляции между процентом небелых безработных мужчин и нестабильностью статистически незначим, но все-таки имеет положительное направление ($r = 0,054$), незначим этот же показатель при использовании в качестве независимой переменной уровня безработицы среди афроамериканского населения по отношению к белому, но он при этом имеет отрицательное направление ($r = -0,020$) (*Ibid.*).

В своей работе Р. В. Вайт (White 1993) получил схожие с предыдущим исследованием результаты. Безработица оказалась незначимым фактором в трех тестах из пяти, а в двух тестах значимой, но с отрицательным знаком (чем выше безработица, тем ниже уровень политического насилия).

В работе Дж. Л. Томпсона (Thompson 1989), посвященной нестабильности в Ирландии за достаточно широкий (более чем полувековой) период 1923–1985 гг., во всех моделях множественной регрессии независимая переменная безработица оказалась статистически незначимой; при этом коэффициент при переменной имеет как положительный, так и отрицательный знак.

Ниже приведена таблица с результатами рассмотренных шести работ, упорядоченных по дате исследования (Табл. 1).

Табл. 1. Результаты эмпирических исследований влияния безработицы на социально-политическую дестабилизацию

Исследователь, год публикации	Метод	Исследованный период	Размер выборки	Категоризация результатов
Hewitt, 1981	Парная линейная регрессия	1968–1971	Северная Ирландия	Сильная статистически значимая положительная корреляция между безработицей среди мужчин-католиков и интенсивностью беспорядков/терактов (между безработицей и беспорядками (<i>riots</i>) $r = 0,87^*$, между безработицей и терроризмом $r = 0,82^*$, где $^* - p < 0,001$)
Thompson, 1989	Множественная регрессия	1923–1985	Северная Ирландия	Во всех моделях множественной регрессии независимая переменная безработица статистически незначима, знаки корреляции – как положительные, так и отрицательные
White, 1993	Множественная линейная регрессионная модель	1969–1980	Северная Ирландия	Безработица оказалась статистически незначимым регрессором в трех тестах из пяти, а в двух тестах значимой, но с отрицательным знаком (чем выше безработица, тем ниже уровень политического насилия)
Olzak, Shanahan, 1996	Множественная регрессия	1954–1992	США	Процент небелых безработных мужчин оказался статистически незначимым регрессором интенсивности расовых беспорядков в трех множественных регрессионных тестах из трех
Wood, 2006	Линейная регрессия	2002–2003	63 страны	Безработица, особенно среди мужской половины населения, является значимым предиктором социально-политической дестабилизации
Berman, Callen, Felter, Shapiro, 2011	Множественная регрессия, логарифмическая – с целью проверки	1997–2009	Афганистан, Ирак, Филиппины	Безработица во всех трех странах отрицательно коррелирует с нестабильностью, коэффициенты при переменной имеют обратный знак при статистической значимости

Предлагаемое исследование имеет своей целью изучить, как безработица влияет на политическую стабильность в Западной и Восточной Европе.

Начнем нашу серию тестов со стран Западной Европы за период 1991–2015 гг.

Уровень безработицы как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной Европы

Корреляционный анализ зависимости между уровнем безработицы по исходным данным Всемирного банка (World Bank 2017: NY.GDP.PCAP.PP.KD) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. в странах непосткоммунистической (Западной) Европы демонстрирует, что применительно к этим странам и для данного периода уровень безработицы является статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации (см. Табл. 2).

Табл. 2. Корреляции между уровнем безработицы (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. для стран Западной Европы

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	0,171**	< 0,001
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,436**	< 0,001
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,207**	< 0,001
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,168**	< 0,001
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,02	0,967
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,345**	< 0,001
7. Перевоороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,101*	0,028

Окончание Табл. 2

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,517**	< 0,001
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,478**	< 0,001

* – корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.** – корреляция значима на уровне $< 0,01$.

Как мы видим, в восьми из девяти проведенных тестов корреляция оказалась в предсказанном направлении (чем выше безработица, тем выше уровень социально-политической дестабилизации) и вполне статистически значимой. При этом в семи из восьми значимых корреляций статистическая значимость откровенно высока ($p < 0,001$). Относительно невысока значимость для такого специфического индикатора социально-политической дестабилизации, как перевороты и попытки переворотов, практически нехарактерного для современных стран Западной Европы. Это исключение, которое лишь подтверждает правило. Лишь одна корреляция оказалась в направлении, отличном от предсказанного, при этом совершенно статистически незначимой. Здесь мы снова имеем дело именно с таким исключением, которое только подтверждает правило; речь идет о политических репрессиях, то есть о форме социально-политической дестабилизации, абсолютно нехарактерной для современной Западной Европы.

Среди корреляций с очень высокой значимостью ($p < 0,001$) по своей силе выделяются массовые беспорядки ($r = 0,345$), агрегированный индекс социально-политической дестабилизации ($r = 0,478$) и особенно антиправительственные демонстрации ($r = 0,517$). Отметим, что во всех случаях речь идет о массовой социально-политической дестабилизации, то есть о таких типах дестабилизации, для которых характерно участие широких слоев населения. Подобные результаты достаточно логичны, ибо безработица имеет тенденцию порождать именно массовое недовольство, затрагивая социальные элиты в несравненно меньшей степени, чем широкие народные массы. Заметно меньшую корреляцию демонстрируют такие формы социально-политической дестабилизации, как поли-

тические убийства и крупные террористические акты, что также представляется неслучайным, поскольку речь здесь идет о таких формах социально-политической дестабилизации, которые никак нельзя назвать массовыми (вместе с тем высокая безработица, по всей видимости, облегчает поиск исполнителей терактов и политических убийств, поэтому статистически значимая корреляция здесь все-таки прослеживается).

Таким образом, для стран современной Западной Европы безработица является статистически значимым предиктором абсолютного большинства индикаторов социально-политической дестабилизации и в особенности таких форм массовой дестабилизации, как беспорядки, забастовки и демонстрации протеста. Достаточно сильная статистически значимая корреляция здесь прослеживается и для агрегированного индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*.

Особенно сильная корреляция здесь наблюдается, если мы в качестве единицы наблюдения начинаем рассматривать не отдельные страны, а группы стран, выделяемые по уровню безработицы. Ниже европейские страны анализируются после их подразделения на десять подгрупп (децилей), при этом в нижнюю подгруппу (нижний дециль) входят 10 % страно-лет с наиболее низким уровнем безработицы, в верхнюю подгруппу (верхний дециль) входят 10 % страно-лет с самым высоким уровнем безработицы, в восемь промежуточных децилей – страно-годы с промежуточными значениями.

Применительно к странам непосткоммунистической (Западной) Европы подецильный анализ дает следующие результаты (см. Табл. 3).

Табл. 3. Корреляции между уровнем безработицы (по децилям) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. в странах Западной Европы

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (<i>r</i>)	Статистическая значимость (<i>p</i>)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	0,719*	0,019
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,911**	< 0,001

Окончание Табл. 3

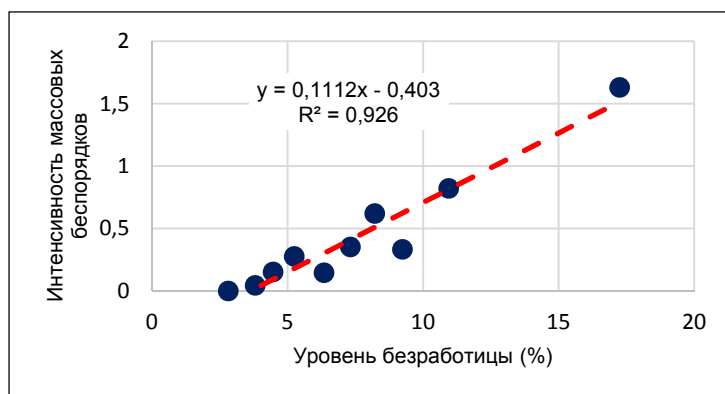
Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	0,819**	0,002
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	0,846**	0,002
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,020	0,955
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	0,962**	< 0,001
7. Перевоороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,465	0,176
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	0,933**	< 0,001
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	0,980**	< 0,001

* – корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.** – корреляция значима на уровне $< 0,01$.

При подецильном тестировании все корреляции оказались с тем же знаком, что и при первом тестировании, однако сила корреляций во всех случаях, кроме одного, оказалась намного выше. При этом в семи случаях из девяти речь идет об откровенно сильных корреляциях ($r > 0,7$), а в четырех случаях мы имеем дело с очень сильными корреляциями ($r > 0,9$). Предсказуемым образом в странах Западной Европы безработица особо сильно коррелирует с массовыми формами дестабилизации: политическими забастовками, демонстрациями и особенно с массовыми беспорядками. При этом достаточно сильная корреляция прослеживается и с политическими убийствами, а также с террористическими актами/«партизанскими действиями».

Рассмотрим несколько подробнее подецильные корреляции между безработицей и интенсивностью массовых беспорядков, антиправительственных демонстраций и общим индексом социально-политической дестабилизации.

Поддецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью беспорядков для стран непосткоммунистической (Западной) Европы выглядит следующим образом (Рис. 1).

Рис. 1. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью массовых беспорядков в странах Западной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)³

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017: NY.GDP.PCAP.PP.KD.

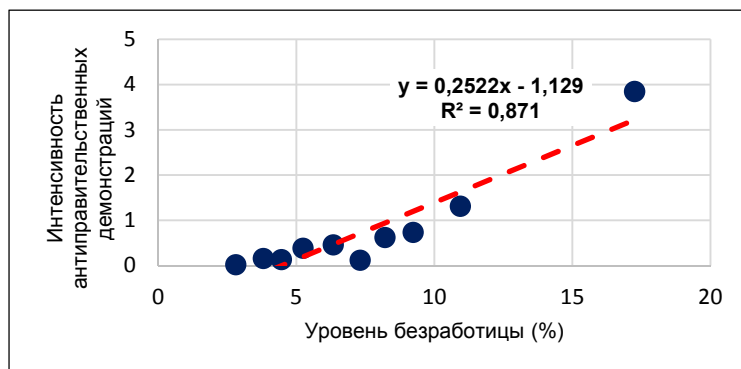
Примечание: $r = 0,962$; $p < 0,001$.

Как мы видим, для 10 % стран-лет с минимальными значениями безработицы (менее 3,5 %, в среднем 2,8 %) мы имеем дело с абсолютно минимальным (нулевым) уровнем массовых беспорядков. Другими словами, в западноевропейских странах с уровнем безработицы менее 3,5 % массовых беспорядков совсем не зафиксировано. С другой стороны, в 10 % стран с максимальным уровнем безработицы (более 12,1 %, в среднем 17,3 %) интенсивность массовых беспорядков достигает уровня 1,63 в год, то есть в такого рода странах в среднем практически не проходит года без массовых беспорядков. Для остальных групп стран наблюдается достаточно выраженная линейная зависимость между средним уровнем безработицы и средней интенсивностью массовых беспорядков. В целом для стран непосткоммунистической (Западной) Европы среднее

³ В этом и следующих случаях использовались данные границы децилей: 1-й дециль: < 3,5 %; 2-й дециль: 3,5–4,1 %; 3-й дециль: 4,1–4,9 %; 4-й дециль: 4,9–5,9 %; 5-й дециль: 5,9–6,9 %; 6-й дециль: 6,9–7,8 %; 7-й дециль: 7,8–8,7 %; 8-й дециль: 8,7–9,9 %; 9-й дециль: 9,9–12,1 %; 10-й дециль: > 12,1 %. Важно также добавить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страна-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

значение безработицы для децилей объясняет более 92 % дисперсии средних значений интенсивности массовых беспорядков по децилям.

Теперь перейдем к более детальному рассмотрению подецильной корреляции между безработицей и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах непростокмунистической (Западной) Европы (см. Рис. 2).

Рис. 2. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Западной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

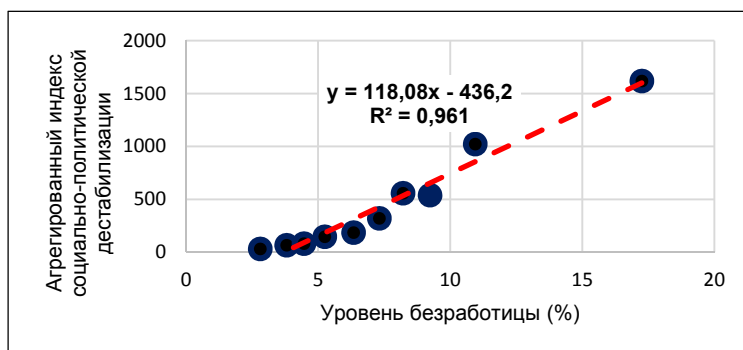
Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017: SL.UEM.TOTL.NE.ZS.

Примечание: $r = 0,933$, $p < 0,001$.

Как мы видим, для 10 % страно-лет с минимальными значениями безработицы (менее 3,5 %, в среднем 2,8 %) мы имеем дело с предельно низкой интенсивностью антиправительственных демонстраций (0,02). Другими словами, в западноевропейских странах с уровнем безработицы менее 3,5 % одна антиправительственная демонстрация в среднем фиксируется раз в пятьдесят лет. С другой стороны, в 10 % стран с максимальным уровнем безработицы (более 12,1 %, в среднем 17,3 %) интенсивность антиправительственных демонстраций достигает уровня 3,85 в год, то есть в такого рода странах в среднем фиксируется около четырех антиправительственных демонстраций каждый год. Для остальных групп стран

наблюдается достаточно выраженная линейная зависимость между средним уровнем безработицы и средней интенсивностью антиправительственных демонстраций. В целом для стран непосткоммунистической (Западной) Европы среднее значение безработицы для децилей объясняет более 87 % дисперсии средних значений интенсивности антиправительственных демонстраций по децилям.

Особо сильная подецильная корреляция для стран непосткоммунистической (Западной) Европы наблюдается между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации (см. Рис. 3).

Рис. 3. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации в странах Западной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = 0,980$, $p < 0,001$.

Как мы видим, для стран непосткоммунистической (Западной) Европы среднее значение безработицы для децилей объясняет более 96 % дисперсии средних значений агрегированного индекса социально-политической дестабилизации по децилям; то есть безработица здесь выступает в качестве очень сильного предиктора социально-политической дестабилизации.

Страны посткоммунистической (Восточной) Европы находятся здесь в разительном контрасте со странами непосткоммунистической (Западной) Европы.

Безработица и социально-политическая нестабильность в странах посткоммунистической (Восточной) Европы

Как мы могли видеть выше, для непосткоммунистической (Западной) Европы безработица является мощным предиктором социально-политической дестабилизации как в целом, так и для большинства ее значимых индикаторов. В ярком контрасте с ними для стран посткоммунистической (Восточной) Европы для того же периода (после 1990 г.) и с использованием тех же самых источников данных безработица не показывает абсолютно никакой положительной статистически значимой корреляции ни с интегральным индексом социально-политической дестабилизации, ни с каким-либо отдельным индикатором дестабилизации (см. Табл. 4).

Табл. 4. Корреляции между уровнем безработицы (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. в странах Восточной Европы

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (<i>r</i>)	Статистическая значимость (<i>p</i>)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	-0,054	0,249
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,033	0,481
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	-0,044	0,349
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	-0,101*	0,033
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,102*	0,031
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	-0,023	0,632
7. Революции и попытки революций (<i>Revolutions</i>)	0,035	0,461
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	-0,111*	0,018
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	-0,047	0,323

* – корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.

** – корреляция значима на уровне $< 0,01$.

Как мы помним, уже при использовании исходных (непреобразованных) данных статистически значимые корреляции с безработицей в предсказанном (положительном) направлении для стран непосткоммунистической (Западной) Европы были получены как для общего индекса социально-политической дестабилизации, так и для семи из восьми отдельных индексов (при этом особо сильными они оказались для протестных демонстраций, политических забастовок и массовых беспорядков). **В полном контрасте с этим для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции ни с одним из девяти вышеупомянутых индексов социально-политической дестабилизации.** Три статистически значимые корреляции здесь все-таки обнаруживаются, но все они (включая интенсивность антиправительственных демонстраций) показывают не положительную, а отрицательную корреляцию с безработицей; получается, что если в непосткоммунистической (Западной) Европе чем выше безработица, тем чаще – и при этом заметно чаще – люди выходят на улицу с протестами, то в Восточной Европе чем выше безработица, тем реже люди протестуют (последняя отрицательная корреляция не столь сильна, как противоположная западноевропейская корреляция, но все равно она статистически значима).

Результаты остаются качественно теми же самыми и при подецильном анализе восточноевропейских стран (см. Табл. 5).

Табл. 5. Корреляции между уровнем безработицы (по децилям) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. в странах Восточной Европы

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (<i>r</i>)	Статистическая значимость (<i>p</i>)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	-0,398	0,254
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,273	0,446
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	-0,302	0,397
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	-0,562	0,091

Окончание Табл. 5

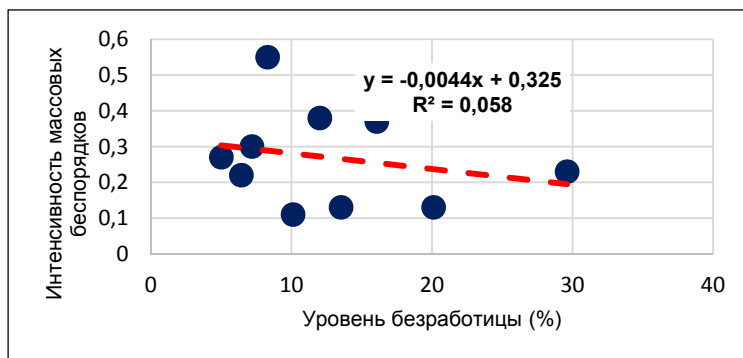
Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона (r)	Статистическая значимость (p)
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,538	0,108
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	-0,240	0,504
7. Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	0,263	0,464
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	-0,724*	0,018
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	-0,313	0,379

* – корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.** – корреляция значима на уровне $< 0,01$.

Как мы видим, если для Западной Европы при подецильном тестировании все основные показатели социально-политической дестабилизации демонстрировали очень сильную статистически значимую корреляцию с уровнем безработицы, то для Восточной Европы в восьми из девяти случаев мы имеем дело со статистически незначимыми корреляциями. Одна статистически значимая (и при этом откровенно сильная) корреляция, впрочем, прослеживается и здесь (применительно к антиправительственным демонстрациям); но снова речь идет не о положительной, а об отрицательной корреляции. Отметим, что для Восточной Европы переход от постранового к подецильному анализу (страно-годовому) в отличие от Западной Европы не повысил, а даже несколько снизил значимость корреляций, что указывает на происходившие в эти годы изменения, то есть на некоторую статистическую неоднородность данных разных лет.

Рассмотрим несколько подецильных корреляций применительно к Восточной Европе подробнее.

Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью беспорядков для стран посткоммунистической (Восточной) Европы выглядит следующим образом (Рис. 4).

Рис. 4. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью массовых беспорядков в странах Восточной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)⁴

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

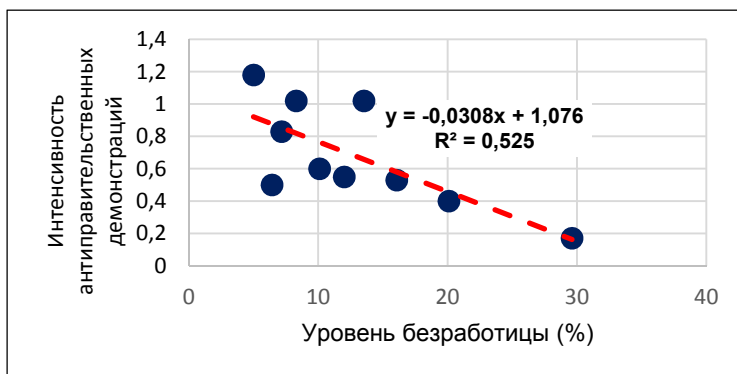
Примечание: $r = -0,240$, $p = 0,504$.

Как мы видим, для 10 % страно-лет с минимальными значениями безработицы (менее 6,1 %, в среднем 5 %) мы имеем дело с далеко не минимальным значением интенсивности массовых беспорядков (0,27). Более того, он даже выше, чем для 10 % страно-лет с максимальным средним значением по безработице (0,23). Другими словами, в 10 % стран с максимальным уровнем безработицы (более 23,8 %, в среднем 29,6 %) интенсивность массовых беспорядков достигает уровня 0,23 в год, то есть в такого рода странах интенсивность массовых беспорядков в год даже меньше, чем в странах с минимальным значением безработицы. Близкое к хаотическому распределение в диаграмме рассеивания по отношению к линии регрессии обуславливает статистическую незначимость уровня безработицы как предиктора интенсивности массовых беспорядков в странах посткоммунистической (Восточной) Европы. При этом

⁴ В этом и следующих случаях использовались данные границы децилей: 1-й дециль: < 6,1 %; 2-й дециль: 6,1–6,8 %; 3-й дециль: 6,8–7,7 %; 4-й дециль: 7,7–9,2 %; 5-й дециль: 9,2–11,1 %; 6-й дециль: 11,1–13 %; 7-й дециль: 13–14,1 %; 8-й дециль: 14,1–18,2 %; 9-й дециль: 18,2–23,8 %; 10-й дециль: > 23,8 %. Стоит напомнить, что единицей наблюдения в наших расчетах является даже не страна, а, строго говоря, страно-год, то есть страна X по состоянию на год Y.

если какая-то корреляция здесь все-таки и прослеживается, то корреляция эта отрицательная.

Рассмотрим теперь более детально подецильную корреляцию в странах посткоммунистической (Восточной) Европы между безработицей и интенсивностью антиправительственных демонстраций. Диаграмма рассеивания в этом случае выглядит следующим образом (Рис. 5).

Рис. 5. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Восточной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

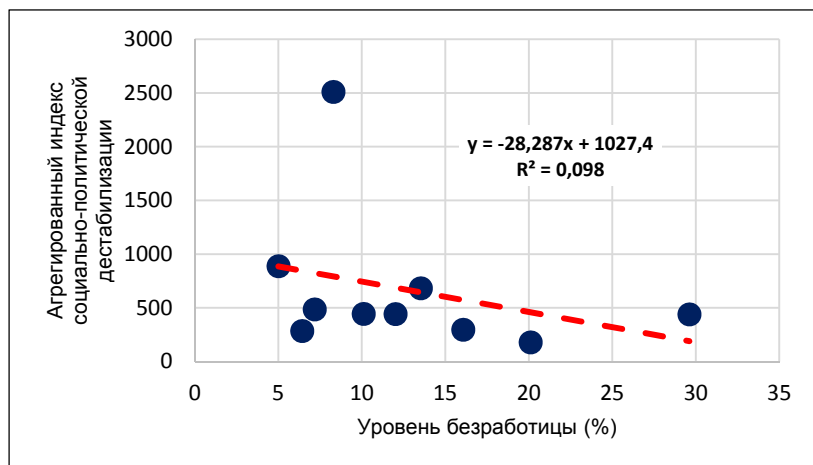
Примечание: $r = -0,724$, $p = 0,018$.

Как мы видим, применительно к антиправительственным демонстрациям для стран посткоммунистической (Восточной) Европы мы парадоксальным образом обнаруживаем вполне статистически значимую и сильную *отрицательную* (!) корреляцию с уровнем безработицы. Для 10 % страно-лет с минимальными значениями безработицы (менее 6,1 %, в среднем 5 %) мы имеем дело с максимальным значением интенсивности антиправительственных демонстраций (1,18). Другими словами, в восточноевропейских странах с минимальным уровнем безработицы фиксируется более одной массовой антиправительственной демонстрации на страну в год. С другой стороны, в 10 % стран с максимальным уровнем безработицы (более 23,8 %, в среднем 29,6 %) интенсивность массовых

беспорядков достигает минимального уровня в год (0,17; другими словами, менее одной демонстрации каждые пять лет). Да и в целом мы имеем дело с достаточно выраженной *отрицательной* линейной зависимостью между средним уровнем безработицы и средней интенсивностью антиправительственных демонстраций по децилям. То есть в данном случае для стран посткоммунистической (Восточной) Европы наблюдается обратная зависимость между переменными: для самого высокого уровня безработицы характерна самая низкая интенсивность антиправительственных демонстраций и наоборот. Итак, предварительно сделанный выше вывод подтверждается: если в непосткоммунистической (Западной) Европе чем выше безработица, тем чаще – и при этом заметно чаще – люди выходят на улицу с протестами, то в Восточной Европе чем выше безработица, тем реже люди выходят на антиправительственные демонстрации (при этом при подецильном анализе эта отрицательная корреляция оказывается не только статистически значимой, но и достаточно сильной).

Наконец, рассмотрим для стран посткоммунистической (Восточной) Европы подецильную корреляцию между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации (см. Рис. 6).

Если для стран непосткоммунистической (Западной) Европы наш подецильный анализ выявил исключительно сильную ($r = +0,980$; $R^2 = 0,961$) статистически значимую ($p < 0,001$) положительную корреляцию между уровнем безработицы и интегральным индексом социально-политической дестабилизации, то для стран посткоммунистической (Восточной) Европы аналогичный анализ фиксирует крайне слабую ($R^2 < 0,1$) совершенно статистически незначимую ($p = 0,379$) корреляцию, да к тому же еще и в отрицательном направлении.

Рис. 6. Подецильная корреляция между уровнем безработицы и агрегированным индексом социально-политической дестабилизации в странах Восточной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = -0,313$, $p = 0,379$.

Безработица как фактор социально-политической дестабилизации в Западной и Восточной Европе: опыт сопоставительного анализа

Итак, корреляция между безработицей и социально-политической дестабилизацией в непосткоммунистической (Западной) Европе радикально отличается от этой корреляции в посткоммунистической (Восточной) Европе. Уровень безработицы является мощным статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации в странах непосткоммунистической (Западной) Европы, в то время как для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции уровня безработицы ни с одним из индикаторов социально-политической дестабилизации (более того, в Восточной Европе для антиправительственных демонстраций прослеживается статистически значимая *отрицательная* корреляция с безработицей).

Чем может объясняться столь яркий контраст между Восточной и Западной Европой?

Наиболее очевидное объяснение заключается в том, что М. Бейссинджером и Г. Сассе было названо «эффектом терпения» (Beissinger, Sasse 2014). В 1990-е гг. мир стал свидетелем очень сильного экономического спада в Восточной Европе, так как восточноевропейские общества переживали переход от командной к рыночной экономике. Например, за три года после 1991 г. уровень ВВП упал на 23 % в Эстонии и на 18 % в Латвии (World Bank 2017). И при этом данные две страны смогли встать на капиталистические рельсы с меньшими экономическими потерями, чем многие другие страны региона; подобное падение ВВП было еще более сильным в России (37 %), Украине (55 %) и Молдове (59 %). Однако в большинстве случаев перехода от командной к рыночной экономике в странах Восточной Европы в 1990-е гг. не было зафиксировано сильной протестной активности – население демонстрировало чрезвычайно высокий уровень «терпения» посреди экономической рецессии, ожидая, что рыночные реформы приведут к новому росту уровня жизни (см., например: Beissinger, Sasse 2014).

В результате хотя в Восточной Европе мощный экономический спад 1990-х гг. сопровождался в том числе и резким ростом безработицы, он в подавляющем большинстве стран посткоммунистической Европы не сопровождался сколько-нибудь сопоставимой по силе социально-политической дестабилизацией. В большинстве из этих стран к власти пришли новые руководители, обещавшие путем болезненных реформ обеспечить улучшение уровня жизни большинства населения в обозримом будущем; население большинства этих стран было готово перетерпеть трудности 1990-х гг. Однако в 2000-е гг. ситуация изменилась, и во время финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. наблюдалось то, что М. Бейссинджером и Г. Сассе было названо «концом терпения»: экономические трудности во многих восточноевропейских странах были уже встречены достаточно сильными протестами (*Ibid.*).

Для того чтобы проверить гипотезу о том, что отсутствие положительной корреляции между безработицей и социально-политической дестабилизацией в странах посткоммунистической Европы связано с «эффектом терпения» 1990-х гг. и «концом терпения»

в последующие годы, удалим из выборки все данные за 1990-е гг. Если данная гипотеза верна, то следует ожидать, что для оставшейся выборки должны прослеживаться те же статистически значимые положительные корреляции между безработицей и различными показателями социально-политической дестабилизации, что были выше обнаружены нами применительно к Западной Европе.

Результаты соответствующего теста выглядят следующим образом (см. Табл. 6).

Табл. 6. Корреляции между уровнем безработицы (исходные данные) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 2000–2015 гг. в странах Восточной Европы

Индикаторы социально-политической дестабилизации	Коэффициент корреляции Пирсона r	Статистическая значимость (p)
1. Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	-0,077	0,191
2. Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	0,042	0,470
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (<i>Guerrilla Warfare</i>)	-0,056	0,342
4. Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	-0,088	0,131
5. Политические репрессии (<i>Purges</i>)	-0,122*	0,036
6. Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	-0,037	0,524
7. Революции и попытки революций (<i>Revolutions</i>)	-0,001	0,980
8. Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	-0,149*	0,010
9. Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	-0,062	0,290

* – корреляция значима на уровне $0,01 < p < 0,05$.

** – корреляция значима на уровне $< 0,01$.

Как видим, проведенный нами тест не подтверждает высказанную выше гипотезу: отсутствие статистически значимых положительных корреляций между безработицей и основными индикаторами социально-политической дестабилизации в странах посткоммунистической Европы *нельзя* объяснить «эффектом терпения» 1990-х гг. и «концом терпения» в последующие годы. Удаление из

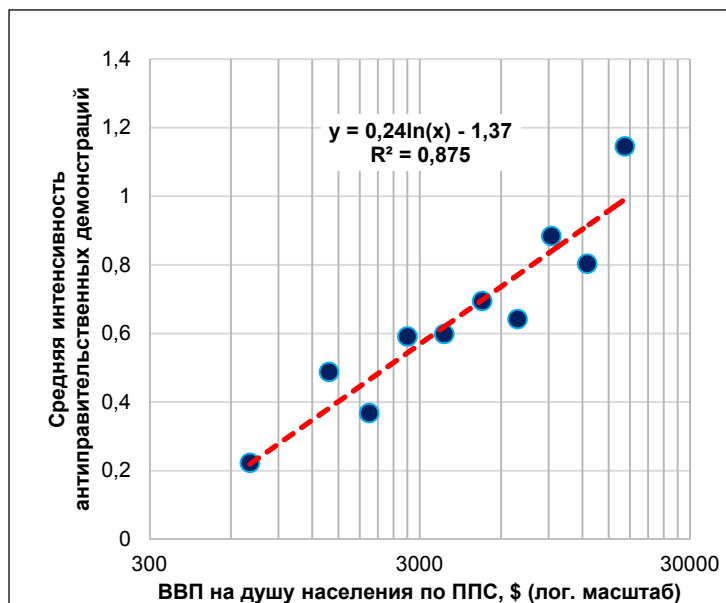
выборки данных за 1990-е гг. не привело к появлению хотя бы одной статистически значимой положительной корреляции. Общая картина осталась удивительно сходной: и после удаления из выборки данных за 1990-е гг. большинство корреляций оказываются статистически незначимыми, а все статистически значимые корреляции оказываются отрицательными. Число статистически значимых отрицательных корреляций, впрочем, уменьшается с трех до двух, но при этом сохраняется (и даже немного усиливается) отрицательная корреляция между безработицей и интенсивностью антиправительственных демонстраций.

Рассмотрим теперь еще одно из возможных объяснений интересующего нас радикального отличия Западной Европы от Восточной.

Как известно, еще в 1960-е гг. М. Олсон (Olson 1963) и С. Хантингтон (Huntington 1968; Хантингтон 2004) выдвинули гипотезу о наличии криволинейной перевернутой U-образной зависимости между уровнем экономического развития и уровнем социально-политической нестабильности. Согласно этой гипотезе, вплоть до определенного значения величины средних подушевых доходов экономический рост в тенденции ведет к усилению рисков социально-политической дестабилизации, и лишь при его относительно высоких значениях дальнейший рост этого показателя ведет к уменьшению данных рисков. Таким образом, для более высоких значений душевого дохода характерна отрицательная корреляция между доходами на душу населения и рисками социально-политической дестабилизации, а для более низких – положительная.

Наши эмпирические тесты (Коротаев и др. 2015; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; 2017а; 2017б; Коротаев, Васькин, Билюга 2017; Коротаев и др. 2017: 16–33; Korotayev *et al.* 2015; 2017) подтвердили обоснованность данной гипотезы: действительно, отрицательная корреляция между уровнем экономического развития и социально-политической нестабильностью наблюдается только для экономически высокоразвитых стран, в то время как для слабо- и среднеразвитых стран наблюдается положительная корреляция между ВВП на душу населения и большинством индикаторов социально-политической дестабилизации. При этом особенно выражена положительная корреляция между душевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 7).

Рис. 7. Корреляция между ВВП на душу населения для стран с доходом 20 тыс. долларов США по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций на соответствующий год, 1960–2014 гг. (диаграмма рассеивания с логарифмической шкалой по оси абсцисс и наложенным контуром логарифмической регрессии)

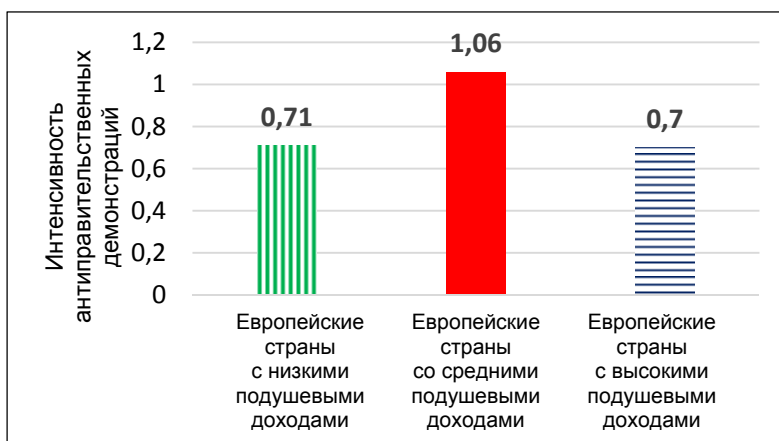
Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017; Коротаев, Васькин, Билюга 2017: 25.

Примечание: $r = -0,313$, $p = 0,379$.

Аналогичные зависимости наблюдаются и для европейских стран рассматриваемого периода (см. Рис. 8).

На данной гистограмме европейские страны-годы за период 1991–2015 гг. разбиты на три равные группы (тертили) по ВВП на душу населения. Нижний тертиль соответствует самым бедным европейским странам, верхний – самым богатым странам, а средний – странам со средними по европейским меркам доходами⁵.

⁵ Необходимо отметить, что, конечно, бедные по европейским меркам страны не всегда будут рассматриваться как таковые при глобальных сопоставлениях. При глобальном анализе

Рис. 8. Среднее значение интенсивности антиправительственных демонстраций по тертилям по ВВП на душу населения в международных долларах по ППС за период 1991–2015 гг.⁶

Проведенные нами *t*-тесты показали, что различие между первым и вторым и вторым и третьим тертиями являются статистически значимыми. Как мы видим, вполне в соответствии с гипотезой Олсона – Хантингтона максимальный уровень интенсивности антиправительственных демонстраций в Европе (как и в мире) наблюдается у стран со средними подушевыми доходами.

Стоит отметить, что при разбивке на три тертия все богатые европейские страны оказываются в Западной Европе, практически все бедные страны – в Восточной Европе, страны со средними доходами практически поровну делятся между Западной и Восточной Европой (см. Табл. 7).

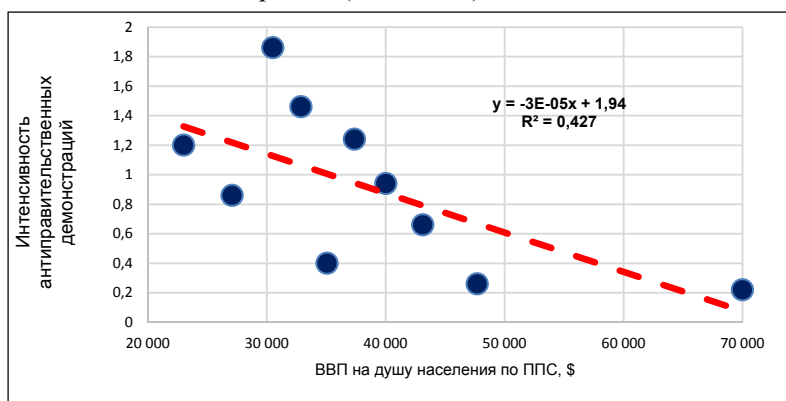
границы между первым и вторым тертиями будет проходить на уровне 3 250 долларов, а между вторым и третьим – 11 600 долларов. Таким образом, заметная часть европейских стран с низкими доходами на мировом уровне была бы отнесена к странам со средними доходами.

⁶ Примечание: терть европейских стран с низкими подушевыми доходами включает в себя страны с ВВП на душу населения в международных долларах менее 17 370 долларов по ППС; терть стран со средними доходами – с подушевым ВВП в интервале между 17 370 и 32 814 долларов по ППС; терть стран с высокими доходами – с подушевым ВВП выше 32 814 долларов.

Табл. 7. Тертили стран непосткоммунистической (Западной) и посткоммунистической (Восточной) Европы по ВВП на душу населения по ППС, %

	Тертили европейских стран по ВВП на душу населения			Итого
	Страны с низкими подушевыми доходами	Страны со средними подушевыми доходами	Страны с высокими подушевыми доходами	
Западная Европа	1 (0,3 %)	173 (53,1 %)	326 (100 %)	500 (51,1 %)
Восточная Европа	325 (99,7 %)	153 (46,9 %)	0 (0 %)	478 (48,9 %)

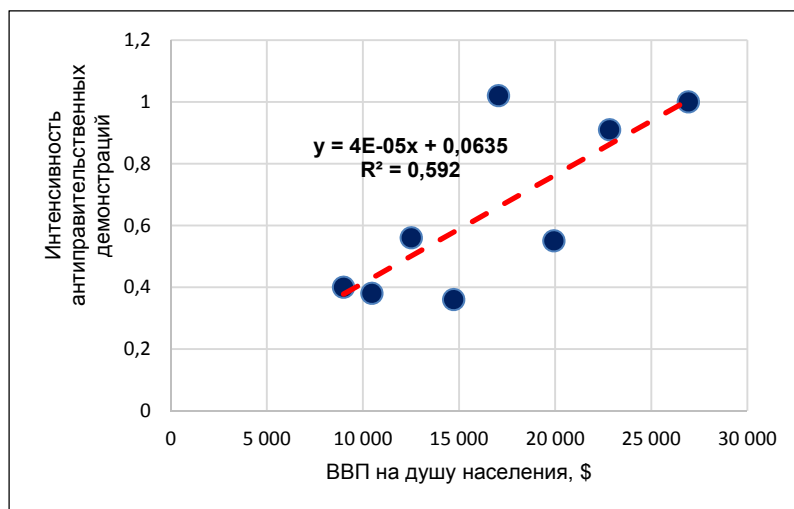
В соответствии с законом Олсона – Хантингтона уже из этого можно предполагать, что в странах Восточной Европы мы должны наблюдать положительную корреляцию между ВВП на душу населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций, а в странах Западной Европы – отрицательную. Эмпирические тесты в общем и целом подтверждают это предположение. Для стран Западной Европы наблюдается вполне выраженная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и интенсивностью антиправительственных демонстраций (см. Рис. 9).

Рис. 9. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Западной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = -0,653$, $p = 0,040$.

Для стран Восточной Европы выраженная положительная корреляция с интенсивностью антиправительственных демонстраций наблюдается для большей части спектра значений подушевого ВВП (см. Рис. 10).

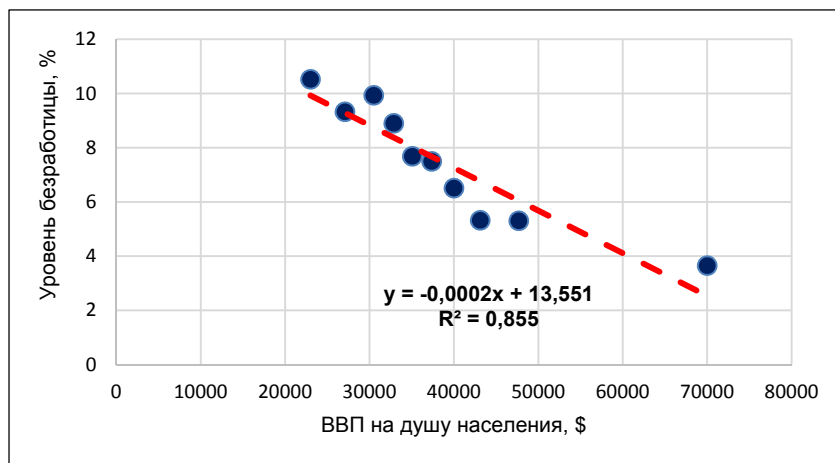

Рис. 10. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и интенсивностью антиправительственных демонстраций в странах Восточной Европы, децили 3–10-й, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = 0,769$, $p = 0,026$.

С другой стороны, для стран Западной Европы наблюдается сильно выраженная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем безработицы (см. Рис. 11).

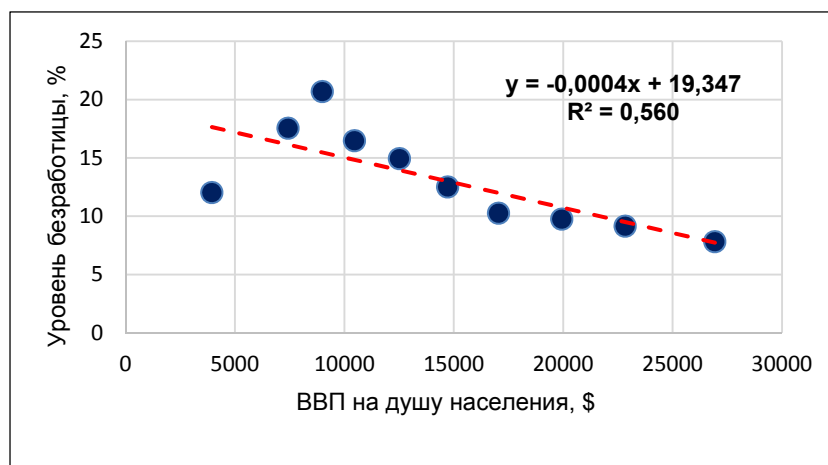

Рис. 11. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и уровнем безработицы в странах Западной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = -0,925$, $p < 0,001$.

Для стран Восточной Европы также наблюдается вполне выраженная отрицательная корреляция между подушевым ВВП и уровнем безработицы (см. Рис. 12).

Рис. 12. Подецильная корреляция между ВВП на душу населения по ППС и уровнем безработицы в странах Восточной Европы, 1991–2015 гг. (диаграмма рассеивания с наложенным контуром линейной регрессии)

Источники данных: Banks, Wilson 2017; World Bank 2017.

Примечание: $r = -0,749$, $p = 0,013$.

Таким образом, по крайней мере обнаруженный нами разительный контраст между Западной и Восточной Европой может быть обусловлен действием закона Олсона – Хантингтона. Однако вполне очевидно, что данный закон может объяснить его лишь частично.

Поэтому рассмотрим другие объяснения того, почему в Западной Европе уровень безработицы является мощным статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации, в то время как для стран посткоммунистической (Восточной) Европы не прослеживается ни одной положительной статистически значимой корреляции уровня безработицы ни с одним из индикаторов социально-политической дестабилизации (и более того, как мы помним, в Восточной Европе для антиправительственных демонстраций прослеживается статистически значимая отрицательная корреляция с безработицей).

Для более детального анализа наблюдаемых различий рассмотрим мотивы участия и неучастия в протестной деятельности людей, потерявших и/или не нашедших работу.

С одной стороны, безработный:

- чувствует себя маленьким отверженным человеком, боящимся выступать против власти и общества;

- должен посвящать время поиску работы и добыванию sporadических заработков для собственного существования и содержания своих близких (жены/мужа, детей, родителей и т. д.);

- боится попасть в черные списки полиции и особенно в черные списки работодателей как бунтовщик и плохой кандидат на получение работы;

- боится потерять расположение благотворителей (включая родственников⁷, лидеров кланов и общин), предоставляющих материальную помощь, займы и временные заработки.

С другой стороны, безработный:

- негодует против своих бывших работодателей, уволивших его, и потенциальных работодателей, отвергнувших его как работника или предложивших ему работу и зарплату, недостойные его квалификации и притязаний;

- негодует против власти, проводящей такую экономическую политику, которая довела его до безработного состояния;

- негодует против власти, установившей слишком малые пособия по безработице, слишком жесткие правила их получения и слишком короткие сроки выплаты;

- получает свободное время для участия в политической деятельности и акциях протестных сообществ.

Участниками протестных акций, естественно, могут стать и становятся не только сами безработные, но также люди, боящиеся потерять работу или просто возмущенные действиями властей и работодателей. Не перечисляя столь подробно их мотивы, укажем, что у них тоже есть основания как для участия, так и для неучастия в протестных акциях, в первом приближении укладываемые в

---

⁷ Сюда можно добавить еще страх перед недовольством жены (мужа) и ее (его) родителей, не одобряющих протестное поведение и контакты с различными бунтовщиками, препятствующие получению рабочего места и способствующие выпадению их семьи из «приличного общества».

формулу «страх потери работы и заработка vs возмущение и требования поменять правила и законы или даже само правительство».

Прежде чем обсуждать поведение людей внутри своих стран, необходимо указать, что кроме поиска работы дома существует еще поиск работы в других странах, чем активно пользуются нетрудоустроенные жители восточноевропейских стран. Немалая часть безработных из Восточной Европы перемещается в поисках работы на Запад, и так как их собственные страны являются членами ЕС, то они (собираательно – «польские сантехники») обладают законными правами устройства на работу в западноевропейских странах. Но даже восточноевропейские страны, не входящие в Евросоюз, связаны с ним многочисленными соглашениями, в том числе обеспечивающими безвизовый обмен и относительную простоту получения работы в Западной Европе. Поэтому некоторая доля отрицательной корреляции на Востоке Европы и положительной на Западе объясняется тем, что многие активные люди из Восточной Европы, особенно молодые потенциальные участники протестных акций, при ухудшении ситуации с занятостью перемещаются в Западную Европу, отнимая при этом рабочие места у самих западноевропейцев и повышая их желание протестовать.

Естественно, можно указать немало причин и обстоятельств, которые направят безработного или кандидата в безработные в ту или иную сторону. Однако если ситуация в стране далека от революционной, а правящий строй – от обрушения в результате народного возмущения и/или внутриэлитных раздоров, то решающим фактором оказывается наличие или отсутствие источников существования. Поэтому в основе столь контрастной реакции западных и восточных европейцев на рост безработицы лежат различные уровни пособий по безработице.

Например, во Франции средний размер пособия составляет около 60 % средней заработной платы. Максимальная сумма выплат достигает более 6000 евро в месяц. Пособия начисляются на сроки от 4 месяцев до 2 лет, а если на момент увольнения работнику было 50 и более лет, то пособие выдается в течение 3 лет. Безработные в Германии получают пособие в размере также 60 % от средней заработной платы и 67 % для граждан с детьми. Максимальная сумма выплат составляет более 2000 евро в месяц, а продолжительность безработицы от 6 до 24 месяцев. Схожие условия

получения пособий характерны и для других западноевропейских стран (Stovicek, Turgini 2012). Фактически получается, что доходы безработных немногим ниже доходов работающих. К этому следует добавить, что во многих странах Западной Европы, прежде всего в Финляндии, проводятся эксперименты по введению всеобщего социального пособия, более известного как «безусловный доход» (или «базовый доход»), что полностью освобождает безработных от страха оказаться без каких-либо источников существования.

В отличие от этого в странах Восточной Европы условия получения пособий жестче, пособия выплачиваются в течение коротких сроков (от 4–5 до 11 месяцев) и имеют существенно меньшие размеры. Например, в Польше среднее пособие по безработице составляет всего 200 долларов в месяц (*Ibid.*).

Следует отметить, что низкие пособия по безработице и относительно короткие сроки их выплаты характерны не только для Восточной Европы, но также для англосаксонских стран (*Ibid.*). Это порождает некоторые аналогии влияния безработицы на протестные действия между англосаксонскими странами и Восточной Европой. Например, во время Великой депрессии в Германии (Веймарской республике), где выплачивались пособия по безработице (правда, несколько сократившиеся в период кризиса), имел место существенно больший подъем забастовочного и другого протестного движения (включая коммунистическое и нацистское), чем в США, где в начале 30-х гг. никаких официальных пособий по безработице не было.

Особую силу контрасту между странами со щедрым обеспечением своих безработных и странами, где безработные должны в прямом смысле слова заботиться о пропитании собственном и своей семьи, придают достаточно очевидные положительные обратные связи.

В тех странах, где пособия по безработице низкие (жесткие условия получения, короткие сроки выплаты и т. д.), протестующих мало, и это малое количество попадает в черные списки работодателей, соответственно, их становится еще меньше. При этом в годы циклического подъема, когда рабочей силы не хватает, те, кто не смели заявлять о своих претензиях в годы спада, нередко выходят протестовать – все равно с работы не выгонят, а в черные списки всех не занесут. Наоборот, в тех странах, где пособия велики и

длительны, ничем не занятые безработные могут протестовать разнообразными методами, добиваясь увеличения пособий, прихода к власти левых сил и т. д.

Хотя близость тенденций в более бедных восточноевропейских странах с тенденциями в англосаксонских странах, прежде всего в США (особенно дорозвельтовских времен), делает этот эффект непохожим на закономерность Олсона – Хантингтона, на самом деле он по существу является одной из ее составляющих. В бедных странах малообеспеченные, тем более потерявшие работу люди прежде всего заботятся о своем пропитании и вместо участия в протестах ищут возможности прокормить себя и свою семью. Переход к протестным действиям, причем в основном самого радикального толка (массовые беспорядки, политическое насилие, попытки переворота и др.), происходит главным образом в революционных ситуациях, когда у безработных появляется надежда получить все и сразу. В обеспеченных странах преобладают менее разрушительные формы протеста (демонстрации, митинги, другие различные формы ненасильственного протеста), включающие не только прямые финансовые требования, но также требования изменений социальной политики и поддержку на выборах более левых партий. В странах с переходными экономическими и политическими условиями возможны протестные проявления обоих типов.

В настоящее время опасность роста безработицы в близком будущем является одной из основных угроз для развитых стран, как из-за перевода производств торгуемых товаров в более бедные страны с меньшей заработной платой и меньшими социальными гарантиями, так и из-за быстро развивающейся автоматизации и роботизации не только в производственной сфере, но и в сфере обслуживания. Зависимость влияния безработицы на протестные действия от величины и характера социальных пособий дает возможность высказать некоторые предположения о будущих тенденциях протестной активности.

В странах, где не ожидается ни существенного роста заработной платы, ни существенного роста социальных пособий, несмотря на увеличение имущественного расслоения, по-видимому, и в дальнейшем не последует мощных протестных акций. Напротив, введение базового дохода, который, разумеется, не сможет полностью заменить социальные расходы на помощь и медицинское об-

служивание пожилых и больных людей, инвалидов, детей из многодетных семей и т. д., приведет к фактическому росту социальных затрат и все менее сбалансированным бюджетам. Сытое существование незанятых людей обеспечит им возможность дальнейшего усиления протестных действий, как направленных на увеличение базового дохода, введение антииммигрантских законов и др., так и не направленных ни на что, а являющихся проявлениями общего недовольства складывающимися порядками, оставляющими их на самых нижних ступеньках общественной лестницы без ясных перспектив продвижения наверх, а также просто формами интересного и яркого времяпрепровождения, придания смысла их тусклой и бесцельной жизни.

Заключение

Практически все исследователи сходятся в том, что безработица является важным фактором социально-политической дестабилизации, причем особое значение имеет безработица среди молодежи, наиболее склонной к уличной активности, включая участие в радикальных и насильственных формах протеста. Тем не менее различные исследования показывают не только разную силу влияния уровня безработицы на протестную активность, но и разное направление этого влияния. Так, например, П. Кольер, Г. Урдал, А. Вуд и другие исследователи указывают, что рост безработицы ведет к росту протестной активности, увеличению уличного насилия и дестабилизации политической ситуации в целом. Напротив, Э. Берман и Р. Вайт указывают, что высокая безработица понижает уровень политического насилия. По данным С. Олзака и С. Шэнхана, Р. Вайта, Дж. Томпсона и ряда других исследователей, влияние безработицы на протестную активность проявляется лишь в совокупности с другими факторами, при этом сама корреляция между уровнем безработицы и участием в протестных акциях оказывается статистически незначимой.

В данной работе проведен корреляционный анализ зависимости между уровнем безработицы по исходным данным Всемирного банка (World Bank 2017) и показателями социально-политической дестабилизации *CNTS* за 1991–2015 гг. в странах непосткоммунистической (Западной) Европы и посткоммунистической (Восточной) Европы. Результаты исследования показали, что тенденции в

двух разных частях Европы существенно расходятся. В Западной Европе уровень безработицы является статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации. Особенно сильно эти зависимости проявляются при переходе от «постранового» сравнения к сравнениям состояний групп стран в различные годы (вся выборка данных по странам и годам была разделена на 10 групп страно-лет, различающихся уровнем безработицы). При этом методе анализа зависимости количества политических забастовок, массовых беспорядков, антиправительственных демонстраций и прочего коэффициенты корреляции Пирсона достигали значений 0,8–0,95 при значимости корреляций $< 0,001$.

Совсем иную картину показывают данные по странам посткоммунистической (Восточной) Европы. В отличие от Западной Европы большая часть корреляций носит незначимый характер, и при этом все как незначимые, так и значимые корреляции (прежде всего речь идет о правительственных кризисах и антиправительственных демонстрациях) имеют отрицательный характер, то есть рост безработицы ведет скорее к политической стабилизации, чем наоборот.

Также в отличие от Западной Европы переход от постранового сравнения к сравнениям состояний групп стран в различные годы привел не к усилению, а к ослаблению корреляций, хотя и не изменил их отрицательного характера. Это указывает на неоднородность выборки. Действительно, исключение из выборки 1990-х гг., когда новая социально-политическая система только формировалась и народ «с терпением и пониманием» переносил трудности роста, уменьшило отрицательные корреляции, но не устранило их.

Таким образом, контрастное различие между Западной и Восточной Европой лишь в малой степени связано с переходным характером политических и экономических систем восточноевропейских стран.

Анализ поведения людей, потерявших работу или рискующих ее потерять, показывает, что у них имеются мотивы как в пользу, так и против участия в протестах против своих бывших и новых потенциальных работодателей, а также властей страны. С одной стороны, они возмущены действиями работодателей и властей страны, но с другой – им нужно искать новую работу, добывать средства для пропитания себя и своей семьи, они боятся попасть в

черные списки плохих кандидатов на получение работы и вызвать неодобрение тех, кто их поддерживает в трудные времена.

Решающим фактором, склоняющим их поведение в ту или иную сторону, оказываются размеры, сроки и условия выплат социальных пособий. Там, где размеры пособий и сроков их выплат велики (Западная Европа), преобладают протестные настроения, участие в антиправительственных акциях и т. д. Там, где пособия малы и выплачиваются в течение короткого времени (Восточная Европа), люди преимущественно занимаются своими личными проблемами и менее склонны к участию в протестной деятельности при потере работы или высоком риске ее потерять. Особую убедительность этому объяснению придает сходство поведения жителей восточноевропейских и англосаксонских стран, ибо в последних, несмотря на высокий уровень жизни, действуют более мягкие законы о защите труда, а размеры пособий по безработице и сроки их выплат значительно меньше, чем в западноевропейских странах.

Дополнительным фактором, способствующим различию реакции жителей Западной и Восточной Европы на потерю работы, является трудовая миграция из Восточной Европы в Западную, вымывающая «горючий материал» для протестных акций с Востока, но зато вызывающая протестные действия западноевропейских безработных в пользу введения антииммигрантских законов.

Как известно, в настоящее время существует достаточно серьезная опасность роста безработицы в развитых странах, вызванная как переводом производств торгуемых товаров в более бедные страны с меньшей заработной платой и меньшими социальными гарантиями, так и быстро развивающейся автоматизацией и роботизацией не только в производственной сфере, но и в сфере обслуживания. При этом ряд западных стран планирует ввести «базовый доход» для жителей стран, независимый от занятости. Проведенные исследования указывают, что весьма вероятным результатом таких действий, несмотря на возможность некоторого снижения неравенства доходов, будет рост протестной активности. И наоборот, если в странах Восточной Европы не произойдет существенного роста заработной платы, социальных пособий, то, несмотря на некоторое увеличение имущественного расслоения, по видимому, и в дальнейшем не следует ожидать мощной протестной активности.

Общие примечания

В качестве стран посткоммунистической (Восточной) Европы в данной работе рассматриваются Албания, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Венгрия, Косово, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Черногория, Польша, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Чехия, Эстония.

В качестве стран непосткоммунистической (Западной) Европы в данной работе рассматриваются Андорра, Австрия, Бельгия, Великобритания, Дания, Германия, Греция, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Сан-Марино, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария.

Описание и методология *Cross National Time Series (CNTS)*

База данных *The Cross National Time Series (CNTS)* является результатом работы по сбору и систематизации данных, начатой Артуром Банксом (Banks, Wilson 2017) в 1968 г. в Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне на основе обобщения архива данных *The Statesman's Yearbook*, публикуемого с 1864 г. В базе данных содержится около 200 переменных для более чем 200 стран, в том числе годовые значения переменных начиная с 1815 г. В ней исключены периоды двух мировых войн 1914–1918 и 1939–1945 гг.

База данных *CNTS* структурирована по разделам и содержит статистические данные по территории и населению страны, информацию по использованию технологий, экономические и электоральные данные, информацию по внутренним конфликтам, использованию энергии, промышленной статистике, военным расходам, международной торговле, урбанизации, образованию, занятости, деятельности законодательных органов и т. п.

В данной работе мы подробно рассматриваем раздел данных, описывающих внутренние конфликты (раздел *domestic*), которые основаны на анализе событий по 8 различным подкатегориям:

1. Политические убийства (*Assassinations, domestic1*).
2. Политические забастовки (*General Strikes, domestic2*).
3. Крупные террористические акты/«партизанские действия» (*Guerrilla Warfare, domestic3*).
4. Правительственные кризисы (*Government Crises, domestic4*).

5. Политические репрессии (*Purges, domestic*5).
6. Массовые беспорядки (*Riots, domestic*6).
7. «Революции»⁸ (*Revolutions, domestic*7).
8. Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations, domestic*8).

В этом разделе представлены данные начиная с 1919 г.

К «Политическим убийствам» (*Assassinations, domestic*1) относятся любые политически мотивированные убийства или покушения на убийства высших правительственных чиновников или политиков.

К «Политическим забастовкам» (*General Strikes, domestic*2) относятся забастовки, в которых участвовало 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, при этом выдвигавших требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти.

К «Крупным террористическим актам/«партизанским действиям»» (*Guerrilla Warfare, domestic*3) относятся любая вооруженная деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима. Речь, таким образом, идет прежде всего о крупных террористических актах (в особенности когда мы имеем дело со странами современной Европы).

К «Правительственным кризисам» (*Government Crises, domestic*4) относятся любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима, за исключением вооруженных переворотов, напрямую направленных на это.

К «Политическим репрессиям» (*Purges, domestic*5) относится любое систематическое устранение оппозиционных деятелей (путем лишения свободы или казней) среди действующих членов режима или оппозиционных группировок.

К «Массовым беспорядкам» (*Riots, domestic*6) относятся любые выступления или столкновения, связанные с применением насилия, в которых принимали участие более 100 граждан.

К «Революциям» (*Revolutions, domestic*7) относятся любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений, любые перевороты или попытки переворотов. Переменная «Революции» также учитывает все удачные и неудачные вооруженные восстания, целью которых является обретение независимости от центрального

⁸ В реальности скорее перевороты и попытки переворотов.

правительства. Отметим, что название этой переменной («Революции») в очень заметной степени вводит пользователя в заблуждение, так как в реальности здесь в большинстве случаев речь идет не о революциях в обычном понимании (нашу сводку определений революции см., например: Гринин, Исаев, Коротаев 2016), а скорее о переворотах и попытках переворотов. Именно таким образом мы и будем обозначать данную переменную ниже.

К «Антиправительственным демонстрациям» (*Anti-Government Demonstrations, domestic8*) относятся любые мирные публичные собрания, в которых принимает участие 100 человек и более, а в качестве основной цели проведения выступает выражение несогласия с политикой правительства или власти за исключением демонстраций с выраженной направленностью против иностранных государств.

Все перечисленные 8 подкатегорий используются при построении общего индекса социально-политической дестабилизации (*domestic9*). Для этого составители базы данных *CNTS* присвоили каждой подкатегории определенный вес (см. Табл. 8).

Табл. 8. Веса подкатегорий, используемых при построении индекса социально-политической дестабилизации *CNTS*

Подкатегория	Название переменной	Вес в индексе социально-политической дестабилизации (<i>domestic9</i>)
Политические убийства (<i>Assassinations</i>)	domestic1	25
Политические забастовки (<i>General Strikes</i>)	domestic2	20
Партизанские действия (<i>Guerrilla Warfare</i>)	domestic3	100
Правительственные кризисы (<i>Government Crises</i>)	domestic4	20
Политические репрессии (<i>Purges</i>)	domestic5	20
Массовые беспорядки (<i>Riots</i>)	domestic6	25
Перевороты и попытки переворотов (<i>Revolutions</i>)	domestic7	150
Антиправительственные демонстрации (<i>Anti-Government Demonstrations</i>)	domestic8	10

Индекс социально-политической дестабилизации (*Weighted Conflict Measure*, *domestic9*) рассчитывается как сумма произведений численных значений подкатегорий и соответствующих им весов, умножается на 100 и делится на 8 (см. формулу).

$$domestic9 = \frac{25 domestic1 + 20 domestic2 + 100 domestic3 + 20 domestic4 + 20 domestic5 + 25 domestic6 + 150 domestic7 + 10 domestic8}{8} * 100.$$

Библиография

- Блауг М. 1994. *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело Лтд.
- Булдаков В. П. 1997. *Красная Смута: природа и последствия природного насилия*. М.: РОССПЭН.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2009. История, математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *О причинах Русской революции* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ. С. 368–427.
- Долгов Б. В. 2011. «Взрыв» в арабском мире: внутренний и внешний контекст. *Перспективы* 15 апреля.
- Кейнс Д. М. 1936. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2016. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 4(26): 72–94.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017а. ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 1(84): 127–143.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017б. Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис* 2: 155–169.
- Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. 2017. Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Мещерина К. В. 2017. *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Учитель.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8: 119–127.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–76.
- Матвеева Т. Ю. 2007.** *Введение в макроэкономику*: учеб. пособие. 5-е изд., испр. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Миронов Б. Н. 2013.** *Страсти по революции*. М.: Весь мир.
- Нефедов С. А. 2015.** «Молодежный бугор» и первая русская революция. *Социологические исследования* 7: 140–147.
- Смит А. 1993.** *Исследование о природе и причинах богатства народов*: в 2 т. Т. 1. М.: Наука.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Alanana O. O. 2003.** Youth Unemployment in Nigeria: Some Implications for the Third Millennium. *Global Journal of Social Sciences* 2(1): 21–26.
- Assaad R., Levison D. 2013.** *Employment for Youth: A Growing Challenge for the Global Community*. Background Research Paper for United Nations High Level Panel on the Post-2015 Development Agenda.
- Banks A., Wilson K. A. 2017.** *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem: Databanks International.
- Beissinger M. R., Jamal A., Mazur K. 2012.** *Who Participated in the Arab Spring? A Comparison of Egyptian and Tunisian Revolutions*. New Orleans: American Political Science Association.
- Beissinger M., Sasse G. 2014.** An End to Patience? The 2008 Global Financial Crisis and Political Protest in Eastern Europe. *Mass Politics in Tough Times: Opinions, Votes and Protest in the Great Recession* / Ed. by N. Bermeo, L. M. Bartels. Oxford: Oxford University Press. Pp. 334–370.
- Benmelech E., Berrebi C., Klor E. 2010.** *Counter-Suicide-Terrorism: Evidence from House Demolitions* (No. w16493). National Bureau of Economic Research.
- Berman E., Callen M., Felter, J. H., Shapiro J. N. 2011.** Do Working Men Rebel? Insurgency and Unemployment in Afghanistan, Iraq, and the Philippines. *Journal of Conflict Resolution* 55(4): 496–528.

- Braungart R. G. 1984.** Historical and Generational Patterns of Youth Movements: a Global Perspective. *Comparative Social Research* 7(1): 3–62.
- Chiricos T. G. 1987.** Rates of Crime and Unemployment: An Analysis of Aggregate Research Evidence. *Social Problems* 34(2): 187–212.
- Cincotta R. P., Engelman R., Anastasion D. 2003.** *The Security Demographic*. Washington, DC: Population Action International. Pp. 42–49.
- Cincotta R. 2005.** Youth Bulge, Underemployment Raise Risks of Civil Conflict. *Global Security Brief*. No. 2. Washington, DC: Worldwatch Institute.
- Collier P. 1999.** Doing Well out of War. In *Conference on Economic Agendas in Civil Wars, London*. Vol. 26. P. 27.
- Collier P. 2000.** *Economic Causes of Civil Conflict and their Implications for Policy*. Washington, DC: World Bank. Pp. 1–23.
- Collier P., Hoeffler A. 2001.** *On the Duration of Civil War*. Vol. 2681. N. p.: World Bank Publications.
- Collier P., Hoeffler A. 2004.** Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers* 56(4): 563–595.
- Cramer C. 2010.** *Unemployment and Participation in Violence*. Washington, DC: World Bank.
- Dowd C. 2017.** *How Does Work Feature in Literature on Youth Participation in Violence?* IDS Working Paper.
- Elbadawi I., Sambanis N. 2000.** Why are there So Many Civil Wars in Africa? Understanding and Preventing Violent Conflict. *Journal of African Economies* 9: 244–269.
- Falk A., Kuhn A., Zweimüller J. 2011.** Unemployment and Right-wing Extremist Crime. *The Scandinavian Journal of Economics* 113(2): 260–285.
- Goldstone J. A. 2001.** Demography, Environment and Security: an Overview. *Demography and Security* / Ed. by M. Weiner, S. S. Russell. Oxford: Berghahn. Pp. 38–61.
- Goldstone J. A. 2002.** Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Columbia Journal of International Affairs* 56: 245–263.
- Grossman H. I. 1991.** A General Equilibrium Model of Insurrections. *The American Economic Review* 81: 912–921.
- Guichaoua Y. 2007.** *Who Joins Ethnic Militias?: A Survey of the Oodua People's Congress in Southwestern Nigeria*. University of Oxford. Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity (CRISE).
- Guichaoua Y. 2012.** Circumstantial Alliances and Loose Loyalties in Rebellion Making: The Case of Tuareg Insurgency in Northern Niger (2007–

- 2009). *Understanding Collective Political Violence*. N. p.: Palgrave Macmillan UK. Pp. 246–266.
- Hewitt C. 1981.** Catholic Grievances, Catholic Nationalism and Violence in Northern Ireland during the Civil Rights Period: a Reconsideration. *British Journal of Sociology* 32(3): 362–380.
- Hirshleifer J. 1985.** The Expanding Domain of Economics. *The American Economic Review* 75(6): 53–68.
- Hirshleifer J. 2001.** *The Dark Side of the Force: Economic Foundations of Conflict Theory*. Cambridge University Press.
- Honwana A. 2011.** Youth and the Tunisian Revolution. *Conflict Prevention and Peace Forum Policy Paper* September.
- Humphreys M., Weinstein J. 2004.** *What the Fighters Say: a Survey of Ex-combatants in Sierra Leone, June – August 2003*. Unpublished Interim Report.
- Huntington S. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Huntington S. P. 1996.** *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon Schuster.
- Idris I. 2016.** *Youth Unemployment and Violence: Rapid Literature Review*. Birmingham, UK: GSDRC, University of Birmingham.
- Izzi V. 2013.** Just Keeping Them Busy? Youth Employment Projects as a Peacebuilding Tool. *International Development Planning Review* 35(2): 103–117.
- Jones G. A., Rodgers D. 2011.** The World Bank's World Development Report 2011 on Conflict, Security and Development: a Critique through Five Vignettes. *Journal of International Development* 23(7): 980–995.
- Kahl C. H. 1998.** Population Growth, Environmental Degradation, and State-sponsored Violence: The Case of Kenya, 1991–1993. *International Security* 23(2): 80–119.
- Korenman S., Neumark D. 1997.** *Cohort Crowding and Youth Labor Markets: a Cross-national Analysis* (No. w6031). National Bureau of Economic Research.
- Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A. 2017.** Economic Development, Sociopolitical Destabilization and Inequality. *Russian Sociological Review* 16(3): 9–35.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-national Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.

- Levitt S. D., Venkatesh S. A. 2000.** An Economic Analysis of a Drug-selling Gang's Finances. *The Quarterly Journal of Economics* 115(3): 755–789.
- Nwogwugwu N., Irechukwu G. N. 2015.** Socio-Political Implications of Youth Unemployment on Nigeria's Economic Development. *Journal of Economics and Finance* 6(4): 27–34.
- Obeyesekere G. 1974.** Some Comments on the Social Backgrounds of the April 1971 Insurgency in Sri Lanka (Ceylon). *The Journal of Asian Studies* 33(03): 367–384.
- Olson M. 1963.** Rapid Growth as a Destabilizing Force. *The Journal of Economic History* 23(4): 529–552.
- Olzak S., Shanahan S. 1996.** Deprivation and Race Riots: An Extension of Spilerman's Analysis. *Social Forces* 74(3): 931–961.
- Sengenberger W. 2011.** *Beyond the Measurement of Unemployment and Underemployment*. ILO Working Paper. Geneva: International Labour Organization.
- Stewart F. 2015.** *Employment in Conflict and Post-Conflict Situations*. Background Think Piece for Human Development Report. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/stewart_hdr_2015_final.pdf
- Stovicek K., Turrini A. 2012.** Benchmarking Unemployment Benefit Systems. European Commission. *Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Publications*. B-1049. Brussels. Economic Papers 454 / May 2012. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2012/pdf/ecb454_en.pdf (дата обращения: 16.10.2017).
- Thompson J. L. 1989.** Deprivation and Political Violence in Northern Ireland, 1922–1985 A Time-Series Analysis. *Journal of Conflict Resolution* 33(4): 676–699.
- UN Office for West Africa (UNOWA). 2005.** Youth Unemployment and Regional Insecurity in West Africa. URL: <http://allafrica.com/download/resource/main/main/idatcs/00010742:8de28423f6ac2b75b046035fbd5f643f.pdf> (дата обращения: 12.05.2017).
- Urdal H. 2004.** *The Devil in the Demographics: the Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000*. Social Development Papers: Conflict and Reconstruction Paper. No. 14.
- Urdal H. 2011.** *Demography and Armed Conflict: Assessing the Role of Population Growth and Youth Bulges*. Centre for Research on Peace and Development (CRPD). CRPD Working Paper. No. 2.
- Urdal H., Hoelscher K. 2012.** Explaining Urban Social Disorder and Violence: An Empirical Study of Event Data from Asian and Sub-Saharan African Cities. *International Interactions* 38(4): 512–528.

- Venugopal R. 2011.** The Politics of Market Reform at a Time of Civil War: Military Fiscalism in Sri Lanka. *Economic and Political Weekly* 46(49): 67–75.
- Walton O. 2010.** Youth, Armed Violence and Job Creation Programmes: A Rapid Mapping Study. URL: <http://www.gsdrc.org/docs/open/eirs11.pdf>.
- White R. W. 1993.** On Measuring Political Violence: Northern Ireland, 1969 to 1980. *American Sociological Review* 58: 575–585.
- Wood A. 2006.** Correlating Violence and Socio-economic Inequality: an Empirical Analysis. *Attacking the root causes of torture, poverty, inequality and violence* / Ed. by T. E. McCarthy. Geneva: World Organisation Against Torture. URL: <http://www.omct.org/escr/interdisciplinary-study/ref-docs/>.
- World Bank. 2017.** World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 02.09.2017).